
РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ/RUSSIAN LANGUAGE. LANGUAGES OF THE PEOPLES OF RUSSIA

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.172.84> EDN: WXQFNA**ГРАДУАЛИЗАЦИЯ СТЕПЕНЕЙ ОНАРЕЧИВАНИЯ СУБСТАНТИВНЫХ ЛЕКСЕМ В ФОРМАХ ТВОРИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА ЕДИНСТВЕННОГО И МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА**

Научная статья

Шигуров В.В.^{1,*}, Шигурова Т.А.²¹ ORCID : 0000-0002-4898-6484;² ORCID : 0000-0001-5342-8471;^{1,2} Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, Саранск, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (shigurov[at]mail.ru)

Предложена: 15.07.2026; Принята: 16.09.2026; Опубликовано: 16.10.2026

Аннотация

В статье представлен фрагмент исследования ступенчатой природы адвербиализации существительных без предлогов в формах творительного падежа единственного и множественного числа. Обращено внимание на специфику субстантивных лексем, сближающихся в творительном падеже с классом наречий в формах единственного и множественного числа. Доказывается, что продвижение к наречиям творительного падежа в единственном и множественном числах протекает как в рамках исходных лексем, так и за их пределами, т.е. с нарушением смыслового тождества слова. Выявлено, что в формах единственного и множественного числа творительного падежа существительные пополняют преимущественно одинаковые смысловые разряды адвербиальной лексики и реже — разные. Установлено также, что в разных условиях речи можно наблюдать неодинаковую степень отхода форм творительного падежа единственного и множественного числа от существительных и разную степень их сближения с наречиями. Использование оппозиционной методики позволило выявить на материале конкретных лексем градацию степеней адвербиализации. Выводы и результаты исследования могут быть использованы для дальнейшей разработки проблем ступенчатой транспозиции языковых единиц в системе частей речи.

Ключевые слова: русский язык, грамматика, существительное, творительный падеж, наречие, адвербиализация, ступени.

GRADUALIZATION OF THE DEGREE OF ADMINISTRATION OF SUBSTANTIVE LEXEMES IN THE FORMS OF THE CASE OF THE SINGULAR AND PLURAL

Research article

Shigurov V.V.^{1,*}, Shigurova T.A.²¹ ORCID : 0000-0002-4898-6484;² ORCID : 0000-0001-5342-8471;^{1,2} National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russian Federation

* Corresponding author (shigurov[at]mail.ru)

Suggested: 15.07.2026; Accepted: 16.09.2026; Published: 16.10.2026

Abstract

This article presents a fragment of a study examining the gradual nature of the adverbialization of prepositionless nouns in the instrumental singular and plural. Attention is drawn to the specific features of noun lexemes that converge in the instrumental case with the class of adverbs in the singular and plural. It is demonstrated that the advancement toward instrumental case adverbs in the singular and plural occurs both within the original lexemes and beyond them, i.e., with a violation of the semantic identity of the word. It is revealed that in the singular and plural forms of the instrumental case, nouns predominantly fill the same semantic categories of adverbial vocabulary and, less often, different ones. It is also established that in different speech situations, one can observe different degrees of deviation of the instrumental case forms in the singular and plural from nouns and different degrees of their convergence with adverbs. The use of oppositional methods allowed us to identify gradations of adverbialization using specific lexemes. The findings and results of this study can be used for further exploration of the problems of the stepwise transposition of linguistic units within the parts-of-speech system.

Keywords: Russian language, grammar, noun, instrumental case, adverb, adverbialization, steps.

Введение

Исследование языкового механизма адвербиальной транспозиции беспредложных форм именительного, винительного, родительного и творительного падежей субстантивов издавна привлекает внимание исследователей (см., напр.: [4]; [14]; [16, С. 313-350]; [19]). Определены причины, предпосылки и результат адвербиализации существительных; разные степени продвинутости субстантивных словоформ в сторону наречий; намечены ступени (степени) адвербиализации отдельных языковых единиц и их подгрупп. Вместе с тем явно недостаточное внимание обращается на возможности субстантивных лексем в одной или нескольких формах падежа и числа подвергаться

адвербиализации. Не вполне понятно, какой характер имеет адвербиальная транспозиция у лексем, которые в двух или трех грамматических формах продвигаются по направлению к наречиям. Неясно также, в каких типах контекстов наблюдается формирование на их базе гибридных, субстантивно-адвербиальных образований, собственно грамматических и лексико-грамматических омонимов. Требуется изучения и вопрос о том, в каких случаях одна и та же лексема в разных формах падежа и числа сближается при адвербиализации также с другими классами слов (при пересечении нескольких транспозиционных процессов). Сказанным определяется новизна и актуальность предпринятого исследования. Его теоретическую основу представляют работы отечественных и зарубежных ученых, посвященные разным семантико-грамматическим аспектам проблемы транспозиции [2]; [8]; [23, С. 13-26]; трансляции [15]; синтаксической и лексической деривации [17, С. 25-38]; [23, С. 13-26]; [24]; конверсии [9]; [10]; [25]; полифункциональности [13, С. 434-439]; трансформации, синхронной переходности и синкретизма [1]; [3]; [7, С. 5-11]; [11]. Актуальными представляются наблюдения на материале разных языков в области грамматикализации языковых единиц, связанной с механизмами десемантизации, расширения контекстуальных условий употребления, декатегоризации, фонетической редукции (см., напр.: [12, С. 89-104]). В некоторых работах справедливо указывается на необходимость различать словообразовательные процессы, связанные с образованием новых лексем и частей речи, и реальное функционирование слова в речи в качестве «функтива» (см., напр.: [5, С. 4119-4130]). В настоящей работе учитывались также некоторые результаты исследований авторов данной статьи, в том числе в сфере взаимодействия нескольких транспозиционных процессов — адвербиализации, модализации, препозиционализации (см.: [20, С. 42-55]; [21, С. 19-32]; [22]; [26, С. 1108-1123]). Объектом нашего исследования послужили существительные без предлогов, подвергающиеся адвербиализации в формах творительного падежа единственного и множественного числа. Предмет рассмотрения — ступени и признаки транспозиции субстантивных лексем в указанных грамматических формах в разные смысловые разряды адвербиального класса. Материал для исследования — предложения с существительными, представляющими разные стадии онаречивания, извлеченные из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [18].

Цель данной статьи — исследование этапов (стадий) функциональной и функционально-семантической транспозиции субстантивных лексем без предлогов в формах творительного падежа единственного и множественного числа в разные смысловые разряды наречий.

Для решения научных задач использованы структурно-семантический метод, функциональный метод, оппозиционный метод (со шкалой переходности), элементы дистрибутивного анализа.

Основные результаты

Исследование адвербиальной транспозиции существительных без предлогов показывает, что некоторые субстантивные лексемы вовлекаются в процесс адвербиализации в творительном падеже единственного и множественного числа. Чаще всего они сближаются с каким-либо одним семантическим разрядом определительных или обстоятельственных наречий. При этом степень приближения к наречиям может быть разной, о чем свидетельствуют типовые контексты из Национального корпуса русского языка, закрепляющие эти стадии адвербиализации. Каждая стадия может быть соотнесена с соответствующим звеном на шкале переходности (адвербиализации), среди которых выделяются: **А** (исходный пункт адвербиальной транспозиции, представленный типичными, ядерными словоформами с полным набором семантико-грамматических свойств субстантива) → **Аб** (первый, собственно синтаксический «шаг» в сторону наречия, связанный с использованием субстантивной словоформы во вторичной, обстоятельственной функции; его делают так называемые периферийные существительные) → **аб** (область гибридных, промежуточных структур, для которых характерно примерное равновесие признаков исходной и производной части речи, т.е. существительных и наречий) → **аБ** (сфера собственно грамматических наречий, которые функционируют в семантической зоне исходных субстантивных лексем; им присущи такие частеречные адвербиальные признаки, как значение признака признака; неизменяемость, функция обстоятельства, отсутствие распространителей адъективного и присубстантивного типа) → **Б** (сфера ядерных наречий, вышедших из семантической зоны исходных субстантивных лексем).

Как показывают наблюдения, с наречиями сближаются такие субстантивные лексемы в формах творительного падежа единственного и множественного числа, как *вёрхом, верхом, верхами; барашком, барашками; быком, быками; вереницей, вереницами; воронкой, воронками; ворохом, вóрохами / ворохáми; временем, времена́ми; толпой, толпа́ми; горбом, горба́ми; горой, гора́ми; горкой, горка́ми; горстью, горста́ми; группой, группа́ми; гурьбой, гурьба́ми; дорогой, доро́гами; дугой, дуга́ми; ежом, ежа́ми; жгутом, жгу́тами; задом, зада́ми; запоем, запоя́ми; зигзагом, зигзага́ми; знаком, знака́ми; змейкой, змея́ками; квадратиком, квадра́тиками; клубочком, клубочка́ми; клубом, клуба́ми; клубком, клубка́ми; колечком, колечка́ми; кольцом, кольца́ми; коридором, коридора́ми; кругом / кругом, круга́ми; крючком, крючка́ми; кустом, куста́ми; кучей, куча́ми; кучкой, кучка́ми; лебедем, лебедью́, лебедя́ми; лугом, луга́ми; межой, межа́ми; межулком, межулка́ми; мешком, мешка́ми; низом, низа́ми; огородом, огоро́дами; парой, пара́ми; парусом, паруса́ми; переулком, переулка́ми; петлей, петля́ми; пластом, пласта́ми; полем, поля́ми; потоком, пото́ками; пузырем, пузыря́ми; пулей, пуля́ми; пучком, пучка́ми; птицей, птица́ми; рекой, река́ми; рогаткой, рогатка́ми; рывком, рывка́ми; рядом, ряда́ми; ручьем, ручья́ми; степью, степя́ми; столбом, столба́ми; столбиком, столбика́ми; стрелой, стрела́ми; табуном, табуна́ми; толпой, толпа́ми; треугольником, треугольни́ками; тропинкой, тропинка́ми; тучей, туча́ми; урывком, урыва́ками; фестоном, фестона́ми; хороводом, хоровода́ми; цепочкой, цепочка́ми; часом, часа́ми и т.п. (см.: [6]).*

Примечательно, что творительный падеж единственного и множественного числа может транспонироваться как в один семантический разряд наречий, так и — реже — в разные разряды. Так, с одним разрядом обстоятельственных

локальных наречий сближаются в творительном падеже единственного и множественного числа субстантивы *коридором, коридорами; лесом, лесами; лугом, лугами; огородом, огородами; переулкам, переулками; полем, полями; степью, степями* и т.п. Например:

(1) (а) *Скворцов прошел **коридором** направо и постучал в дверь с номером три* (И. Грекова. На испытаниях (1967)) [18];

(б) *А начмед Павел Петрович Романец, получив телефонное распоряжение главврача, пошёл прогуляться **коридорами** вверенного ему лечебного учреждения, собраться с мыслями и принять решение* (Т. Соломатина. Девять месяцев, или «Комедия женских положений» (2010)) [18];

(2) (а) *От электрички дорога шла **полем**, вдоль полотна, теряясь в колкой высокой траве* (И. Оганджанов. Место силы // «Сибирские огни», 2013) [18];

(б) *Снова шли **полями** и лесными тропами, напевая о том, как «вместе весело шагать по просторам», и не веря, что до Сантьяго-де-Компостела, нашего Изумрудного города, уже было рукой подать: оставалось всего два дня пути* (Р. Романов. Vom saminho, или Пилигримуши на Пути Святого Иакова // «Дальний Восток», 2019) [18];

(3) (а) *Оглянулись мы в последний раз на златокудрую царевну — белокаменную Покрова на Нерли — и пошли **лугом** по вчерашней тропинке* (С. Голицын. За березовыми книгами (1963)) [18];

(б) *Полями и **лугами**, через овражки и ручейки шли мы к Добрыне Никитичу* (Т. Луговская. «Я помню» (1970–1985)) [18].

Примером транспозиции в разные семантические разряды наречий могут, например, служить лексемы *круг* и *верх*, которые, с одной стороны, транспонируются в формах творительного падежа единственного и множественного числа в один семантический разряд наречий, а именно: в пространственные наречия (*вёрхом, верхами*) (4) или в определительные наречия образа действия (*кругом, кругами*) (5), с другой стороны — в форме творительного падежа единственного числа (с акцентологическим сдвигом) транспонируются в пространственное наречие (*кругом*) (6) или определительное наречие способа действия (*верхом*) (7); ср.:

(4) (а) *Буря шел где-то **верхом**, горным перевалом и по его отрогам* (А. Купер. Истопник // «Дальний Восток», 2019) [18];

(б) *«Чеченец, чеченец», — колыхнулось по залу, пробежало **верхами**, по головам, было выброшено на сцену* (А. Снегирев. Зимние праздники // «Знамя», 2012) [18];

(5) (а) *Не угадаешь, кому теперь и верить. Говорят разное, голова идет **кругом*** (И. Муравьева. Мещанин во дворянстве (1994)) [18];

(б) *Подложив в огонь хворосту, Рубахин походил **кругами**, постоял у распадка; вернулся* (В. Маканин. Кавказский пленный (1995));

(6) *Ответ на вопрос, из чего строить, прост: оглянитесь **кругом**, самое лучшее дарит человеку природа* (М. Харит. Этапы большого пути // «Домовой», 2002.05.04) [18];

(7) *Там дни мои потекли мирно и единообразно, с утра до вечера я или ездил **верхом** или ходил пешком по нашим картинным местам, исполненным диких красот северной природы* (Н. Дурова. Письмо В. Н. Мамышеву (1861)) [18].

Иногда форма творительного падежа множественного числа существительного транспонируется в один смысловой разряд наречий (*дорогами* — наречие места) (8), а форма единственного числа — в другой (см. выше примеры с *верхом, кругом*) или сразу в два разряда, формируя синкретичную структуру, например локально-темпорального типа (*дорогой / дорожью* — наречие места и времени) (9); ср.:

(8) *И мы шли **дорогами**, которыми никогда не предполагали идти* (Л. Гурченко. Аплодисменты (1994–2003)) [18];

(9) *Головешки носили в большой консервной банке с приделанной ручкой из проволоки, тщательно следя, чтобы головни не погасли **дорогой*** (В. Шаламов. Колымские рассказы (1954–1961)) [18].

Адвербиализация форм творительного падежа единственного и множественного числа одной субстантивной лексемы может быть представлена разным количеством стадий. В зависимости от этого можно выделить несколько типов таких лексем.

Лексемы **первого типа** имеют формы творительного падежа единственного и множественного числа, эксплицирующие три стадии адвербиализации: **А** → **Аб** → **аб**. Это существительные, достигающие в своем развитии при адвербиализации зоны гибридных структур. Они выступают в одиночной позиции в функции обстоятельства сравнения, например: *бык, воронка, дуга, еж, зигзаг, змейка, квадратик, клубочек, клубок, лебедь, парус, пуля, пузырь, птица, рогатка, столб, стрела, табун, туча, хоровод, цепочка, дуга*. Будучи метафорами, формы творительного падежа единственного и множественного числа данных лексем синонимичны сравнительным оборотам типа *барашком / барашками* ≈ «как у барашка»; ср.:

(10) (а) *До конца моего срока оставалась еще неделя, когда утром в крытой галерее, что расходилась по обе стороны от источника, среди гуляющей публики я увидел сухого подтянутого старика, который держал за руку внучку, очаровательную белокурую девочку, завитую **барашком**, всю в бантиках и рюшечках* (М. Шишкин. Всех ожидает одна ночь (1993–2003)) [18];

(б) *Волны вздымались и завивались **барашками**, но лебедей на них не было* (О. Воропаев. Предзимний сезон // «Бельские просторы», 2018) [18].

Степени адвербиализации рассматриваемых субстантивных словоформ можно продемонстрировать с использованием шкалы переходности, отражающей ступени (этапы) их продвижения в сторону наречий.

Степень ядерных существительных в формах творительного падежа единственного числа (1) и множественного числа (2), употребляемых в функции дополнения:

(11) (а) *И леса и болота изобиловали **птицей** и зверем, но по части ружейной охоты было скудно, и тонкой красной дичи, вроде вальдишневов и дупелей, я положительно не припомню* (М. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина. Житие Никанора Затрапезного, пошехонского дворянина (1887–1889)) [18];

(б) Он увлекается **птицами**, и те щебечут в одной из комнат, как и раньше (А. Тахо-Годи. Жизнь и судьба: Воспоминания (2009)) [18].

Степень периферийных существительных (с зависимыми словами) в формах творительного падежа единственного и множественного числа, выступающих в качестве метафоры в роли обстоятельства:

(12) (а) Перед ним зеленый снизу, голубой и синий сверху — мир встает огромной **птицей**, свищет, шелкает, звенит... (В. Катаев. Алмазный мой венец (1975–1977)) [18];

(б) Стихи изумрудными **птицами** Прилетали к нему ночами И пели странные песенки С капризным неровным напевом, А феи по шелковым лесенкам Уводили его к королевам» (В. Вайнерман. «Я — золотистый рыцарь, жизнь посвятивший мечте» // «Менестрель», 2013) [18].

Степень гибридных, субстантивно-адвербиальных образований (без зависимых слов), характеризующихся метафорическим употреблением в роли обстоятельства:

(13) (а) Детству мало человеческой речи — и оно жуужжит мелкой мушкой и поет **птицей** (М. Семченко. Театр для прекрасно юного и думающего зрителя // «Дальний Восток», 2019) [18];

(б) Один за другим, темно-синие фигуры с белым номером на груди взмывали **птицами** над утоптанной лыжами склоном, — несравненный по красоте спорт! (И. Дьяконов. Книга воспоминаний. Глава вторая (1922–1926) (1995)) [18].

Периферийных и ядерных наречий данная группа субстантивных словоформ не продуцирует в современном русском языке.

Лексемы **второго типа** имеют формы творительного падежа единственного и множественного числа, представляющие в современном языке четыре этапа адвербиализации. Все этапы (стадии) адвербиализации проявляют себя, как и в случаях со словоформами первого типа, в пределах семантической зоны исходных лексем, не нарушая тождества слова. В переходной зоне (**А** → **Аб** → **аб** → **аБ**) наблюдается разная степень грамматической «продвинуто» форм творительного падежа единственного и множественного числа в сторону наречий. Конечной стадией онаречивания является зона периферийных, функциональных наречий. Сюда входят, например, лексемы *низ*, *шаг*, формы творительного падежа которой в единственном и множественном числах демонстрируют вышеуказанные стадии собственно грамматической транспозиции в наречия; ср.:

Зона ядерных существительных в формах творительного падежа единственного и множественного числа. Они находятся с главными словами в подчинительной связи сильное управление или тяготение (при употреблении в качестве управляемого именного компонента предиката с материально выраженной связкой).

(14) (а) Появилось много перевернутых людей, у которых *низ* **стал** верхом, а *верх* **низом** (А. Слаповский. Разнобой // «Волга», 2012) [18];

(б) Эти *низы*, во-первых, так и **останутся низами**, точно так же, как у нас в России, ведь не рабочие же и крестьяне в самом деле управляют (Н. Трубецкой. Письма Р. О. Якобсону (1920–1938)) [18].

Зона периферийных существительных в формах творительного падежа единственного и множественного числа. Для них обязательна синтагматическая поддержка субстантивных свойств при помощи адъективных и присубстантивных распространителей. Синтаксическая функция периферийных существительных — обстоятельство места.

(15) (а) Чаще же ездили ключевским **низом**, по людным местам, прохладным и обветленным, никогда не докучавшим пылью (Е. Носов. Усвятские шлемоносцы (1977)) [18]; **Низом** долины влажно потянуло спелой пшеницей и прошедшей веселой грозой (Ю. Куранов. Каменная деревня (1975)) [18];

(б) Какой ветер свистел в ушах, когда он **низами** станицы вывел своего Лорда в лихой намет! (В. Лихоносов. Ненаписанные воспоминания. Наш маленький Париж. Ч. 1-2 (1983)) [18].

Зона гибридных, субстантивно-адвербиальных образований, употребляющихся без зависимых слов в синкретичной функции дополнения и обстоятельства и/ или несогласованного определения (чем? как? каким способом? при помощи чего?); ср.:

(16) (а) Мениппея любит играть резкими переходами и сменами, верхом и **низом**, подъемами и падениями, неожиданными сближениями далекого и разъединенного, мезальянсами всякого рода (М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского (1963)) [18]; И пока он пятился, Игорь **низом** ударил в угол (К. Ваншенкин. Его опасные пасы (1960–1969)) [18]; Так что волей-неволей приходится организовывать цепочку для передачи груза «над топором», а самим поочередно протискиваться **низом** (К. Серафимов. Экспедиция во мрак (1978–1996)) [18];

(б) Сообщение через «шхеры» (**низами** и нижними люками) (Ю. Курников. Дневник (1971)) [18].

Зона периферийных пространственных наречий, сохраняющих смысловое тождество исходной лексемы; ср.:

(17) (а) От Запрудного я шел **низом**, лугами, там хоть не грязно, но «пурга» промокла вся (Н. Козаков. Дневник (1962)) [18]; Ночь была теплая, от реки **низом** шла прохлада, хутор спал, кончились мирные дневные заботы (М. Шолохов. Поднятая целина. Книга 2 (1959)) [18]; **Низом** уносятся в чащу бурые коростели; сейчас поднялись на крыло молодые синицы и скворцы, под наблюдением родителей они осваивают высший пилотаж, их так много, будто кто-то швыряет пригоршнями из лукошка на просеку птичью молодь (Ю. Нагибин. Дневник (1964)) [18];

(б) На обед пробирался **низами** (Ю. Курников. Дневник (1969)); **Низами**, по-над корнями или выше лесных верхушек тянет что-то хмельное и пахнет весенним бродилом (С. Сергеев-Ценский. Движения (1909-1910)) [18]; И с полей **низами** ползли к усадьбе вздохи, и первые звезды начинали, неуверенно дрожа, прокалывать кое-где небо (С. Сергеев-Ценский. Печаль полей (1909)) [18]; **Низами** мелькали вспугнутые Нарциссом черные дрозды и на сучьях вздергивали хвостами и сердито чокали (С. Сергеев-Ценский. Бабаев (1906–1907)) [18].

Лексемы **третьего типа** единичны: они имеют формы творительного падежа единственного и множественного числа, манифестирующие в типовых контекстах все пять этапов адвербиализации: **А** → **Аб** → **аб** → **аБ** → **Б**. Первые четыре этапа связаны с собственно грамматической адвербиализацией существительных, поскольку не нарушают

смыслового тождества исходных лексем, а последний, пятый этап адвербиализации сопряжен с выходом словоформы за пределы семантической зоны исходного слова и образованием не только грамматического, но и лексического омонима. На этой стадии происходит семантический и акцентологический сдвиг в адвербиализующейся словоформе. Примером такого типа может быть лексема *круг*. Покажем основные этапы адвербиализации ее форм творительного падежа единственного и множественного числа на материале типовых контекстов из Национального корпуса русского языка.

Зона ядерных существительных с управляемой формой творительного падежа в объектном значении; ср.:

(18) (а) *Всегда была она окружена большим **кругом** поклонников, многие из которых демонстрировали ей свои пылкие чувства в весьма откровенной форме* (Ю. Елагин. Темный гений (1998)) [18];

(б) *Артур поболтал вино в бутылке, любуясь тёмными **кругами**, и встал* (К. Шаинян. Рыбка (2007)) [18]; *В момент государственного преобразования 1905 года отщепенские идеи и отщепенское настроение всецело владели широкими **кругами** русских образованных людей* (П. Струве. Интеллигенция и революция (1909)) [18].

Зона периферийных существительных в обстоятельственном или объектно-обстоятельственном значении с зависимыми адъективными и субстантивными распространителями; ср.:

(19) (а) *Одолев неприступный хребет, вертолет, припадая к земле, облетел **большим кругом** разбросанный по пологому склону горы небольшой эвенкийский поселок и, закрутив в небе рыжую пыль, осторожно присел на залитую серым бетоном площадку* (Л. Сермягин. Необыкновенные приключения Семёна Фролова // «Дальний Восток», 2019) [18];

(б) *Вообще, от личности Анчарова повествование в этой книге расходится концентрическими **кругами**, захватывая всё более широкие тематические области — от личности героя и его работы в искусстве — через художественные явления, которые без него явно были бы совсем другими (авторская песня — в первую очередь) — до общих черт его поколения и до «уникальной общественной атмосферы» оттепели, которая без его участия, совершенно несомненно, тоже была бы во многом другой* (О. Балла. От личности героя — к воздуху времени // «Знание — сила», 2020) [18]; *Потом с аппетитом ужинали летним супом, как его назвал Коля: бульон на воде, с картошкой, с покрошенными кусочками яиц вкрутую, с зеленым луком, укропом, одобreno для вкуса куском сливочного масла, которое тут же разошлось желтыми **кругами*** (А. Слаповский. Большая Книга Перемен // «Волга», 2010) [18]; *На красную ткань одной из ферязей, расцвеченную разными шелками, «золотомъ развода» и серебряными **кругами**, пришили «листья» из черного бархата, обнизанные жемчугом* (И. Михайлова. В нежных объятиях ласкового зверя: пушнина и меховые изделия в средневековой Руси XIV–XVI веков // «Теория моды», 2013) [18].

Зона гибридных, субстантивно-адвербиальных структур, употребляемых одиночно в синкретичной функции дополнения и обстоятельства (чем? при помощи чего?); ср.:

(20) (а) *Одна рука уперлась в бок, другая полукругом застыла в воздухе, голова склонена набок, роскошные плечи чуть вздрагивают, ноги каблучками притопывают, и вот она, словно павушка-лебедушка, истово плывет по хороводу, а парни так и стонут... настоящие русские парни, в синих распахнутых сибирках, в красных александрийских рубашках, в сапогах навывпуск, в поярковых шляпах, утыканных **кругом** разноцветными перьями...* (М. Салтыков-Щедрин. Благонамеренные речи (1872–1876)) [18];

(б) *И тогда психологам самим придется и землю бурить, и небо держать, а в нем вечно чертит **кругами** что-то страшное и не всегда — символы и архетипы* (Е. Кушнир. Пацаны не плачут. Кризис маскулинности в истории и на экране (2019.03)) [18].

Зона периферийных определительных наречий, сформировавшихся в результате собственно грамматической адвербиализации форм творительного падежа единственного и множественного числа; ср.:

(21) (а) *В быту полный хаос, голова идет **кругом**, нервы постоянно на пределе* (Непростое искусство любви: быть счастливыми вдвоем... // «Даша», 2004) [18]; *Голубой и розовый мир комнаты ходит **кругом** в перламутровом объективе пуговицы* (Ю. Олеша. Зависть (1927)) [18]; *После ворот ограда, дальше бег — тут лошадь ходит **кругом**, ворочает колесо, когда мы работаем в маслобойне* (А. Лалетин. Дневник (1894)) [18];

(б) *Он смотрит на гитариста, высокого румяного парня с запорожскими усами, пританцовывающего перед певичкой, вприсядку ходящего перед нею **кругами**, пытается собрать в единый смысл выбрасываемые с лихостью певичкой слова, но в ушах стоит лишь разудалый гик* (В. Распутин. Новая профессия (1998)) [18]; *Подложив в огонь хворосту, Рубахин походил **кругами**, постоял у распадка; вернулся* (В. Маканин. Кавказский пленный (1995)) [18]; *Акула только кусала приманку, но не проглотила ее, Теперь, видимо, огорченная исчезновением аппетитно пахнущего мяса, она плавала **кругами** почти на поверхности и всплескивала хвостом по воде* (Н. Гумилев. Африканский дневник (1913)) [18]; *И здесь Васька чувствовал свою власть: прикажет — и прыгает Девчонка в сугроб хоть с утра до полудня как заведенная; еще прикажет — и носится хохоча **кругами** вокруг дома; еще прикажет — и на дерево влезет, и брошенную палку принесет* (Г. Яхина. Дети мои (2018)) [18]; *Если комары и мошкара вьются **кругами** — хорошая погода гарантирована в ближайшие семь суток* (Незабудка // «Огонек», 2015); *Ахиллес вокруг нее приплясывает, **кругами** бегают, а черепаха ни с места* (М. Кантор. Честный англичанин (2011)) [18].

Зона ядерных пространственных и определительно-количественных наречий, представленная адвербиализованной формой творительного падежа единственного числа; ср.:

(22) (а) *Сейчас весна — все **кругом** растет* (Ю. Коваль. Лабаз (1972)); *Было совсем темно. Ни огонька **кругом**, ни звука. Пошли наугад вдоль реки* (С. Довлатов. Наши (1983)) [18]; *Крестьяне ему **кругом** должны; работают на него словно батраки: кого с обозом посылает, кого куды... затормошил совсем* (И. С. Тургенев. Бурмистр (1847)) [18].

Заключение

На основании проведенного исследования можно заключить, что в современном русском языке беспредложные формы творительного падежа единственного и множественного числа определенной группы субстантивных лексем



способны пополнять класс адвербиальных слов, образуя как собственно грамматические наречия, функционирующие в семантической зоне исходных лексем, так и — значительно реже — наречия, которые нарушают смысловое тождество исходных лексем. Транспозиция творительного падежа в единственном и множественном числе может быть связана с их перемещением в один смысловой разряд наречий или в разные разряды. Выделяются три типа субстантивных лексем, различающихся количеством стадий адвербиализации их форм творительного падежа в единственном и множественном числе — от трех до пяти.

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 24-28-00674 «Исследование адвербиализации как типа ступенчатой транспозиции субстантивных словоформ в системе частей речи русского языка».

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Аргунеев Э.П., Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск Российская Федерация
DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.172.84.1>

Funding

The research was carried out with the financial support of the RSF within the framework of the scientific project № 24-28-00674 "Research of adverbialization as a type of stepwise transposition of substantive word forms in the system of the plural language".

Conflict of Interest

None declared.

Review

Arguneev E.P., Pacific State University, Khabarovsk Russian Federation
DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.172.84.1>

Список литературы / References

1. Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка / В.В. Бабайцева. — Москва : Дрофа, 2000. — 640 с.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. — Москва : Издательство иностранной литературы, 1955. — 416 с.
3. Баудер А.Я. Части речи — структурно-семантические классы слов в современном русском языке / А.Я. Баудер. — Таллин : Валгус, 1982. — 184 с.
4. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове / В.В. Виноградов. — Москва : Высшая школа, 1986. — 640 с.
5. Голев Н.Д. Части речи и функтивы в морфологической системе русского языка (на материале переходных явлений и их лингвистических интерпретаций) / Н.Д. Голев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2025. — Т. 18. — Вып. 9. — С. 4119–4130.
6. Гребенева Ю.Н. Морфемный словарь наречий русского языка / Ю.Н. Гребенева. — Москва : Мир и образование, 2022. — 752 с.
7. Зализняк Анна А. Русское «разве»: от предлога к вопросительной частице / Анна А. Зализняк // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. — 2020. — Т. 79. — № 4. — С. 5–11.
8. Ким О.М. Транспозиция на уровне частей речи и явление омонимии в современном русском языке / О.М. Ким. — Ташкент: Фан, 1978. — 227 с.
9. Кравцов С.М. Конверсия в словообразовании: узус и окказиональность / С.М. Кравцов, А.Ю. Голубева. — Ростов-На-Дону: Издательство ЮФУ, 2016. — 170 с.
10. Мельчук И. Русский язык в модели «Смысл – Текст» / И. Мельчук. — Москва; Вена : Школа «Языки русской культуры» ; Венский славистический альманах, 1995. — 682 с.
11. Мигирин В.Н. Очерки по теории процессов переходности в русском языке / В.Н. Мигирин. — Бельцы, 1971. — 199 с.
12. Новоспасская Н.В. . Однонаправленность грамматикализации в современной лингвистике / Н.В. Новоспасская, А.А. Авагян // Вестник РУДН. Серия: Теория языка, семиотика, семантика. — 2012. — Т. 12. — № 1. — С. 89–104.
13. Панков Ф.И. Полифункциональность лексических единиц в устной речи (на материале слова «еще») / Ф.И. Панков // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2016. — № 5. — С. 434–439.
14. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. — Москва; Ленинград : Госиздат, 1928. — 579 с.
15. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер. — Москва : Прогресс, 1988. — 656 с.
16. Тихомирова Т.С. Процесс адвербиализации творительного падежа (на материале польского языка) / Т.С. Тихомирова // Творительный падеж в славянских языках. — Москва : Изд-во АН СССР, 1958. — С. 313–350.
17. Урысон Е.В. Синтаксическая деривация и «наивная» картина мира / Е.В. Урысон // Вопросы языкознания. — 1996. — № 4. — С. 25–38.
18. Национальный корпус русского языка. — URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.01.2026).
19. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. 2-е изд. / А.А. Шахматов. — Ленинград: Учпедгиз, 1941. — 620 с.
20. Шигуров В.В. "Судя по" в контексте модализации и препозиционализации: к исчислению индексов транспозиции / В.В. Шигуров // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. — 2020. — Т. 79. — № 6. — С. 42–55.



21. Шигуров В.В. Степени и предел адвербиальной транспозиции существительных в русском языке (на материале образований с семантикой времени года и суток) / В.В. Шигуров // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. — 2024. — Т. 83. — № 3. — С. 19–32.
22. Шигуров В.В. Теория транспозиционной грамматики русского языка: модалация как тип ступенчатой транспозиции языковых единиц в системе частей речи / В.В. Шигуров. — Москва : ИНФРА-М, 2025. — 1063 с.
23. Marchand H. Expansion, transposition and derivation / H. Marchand // La Linguistique. — 1967. — Vol. 3. — № 1. — P. 13–26.
24. Eihinger L.M. Syntaktische Transposition und semantische Derivation : die Adjektive auf -isch im heutigen Deutsch / L. M. Eihinger. — Tübingen : Niemeyer, 1982. — 241 S.
25. Stekauer P. A theory of conversion in English / P. Stekauer. — Frankfurt am Main : Peter Lang, 1996. — 155 p.
26. Shigurov V.V. Functional Modulates Derived From Short Adjectives and Predicates in the Russian Language / V.V. Shigurov, T.A. Shigurova // Opción. — 2019. — Vol. 35. — № 20. — P. 1108–1123.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Babaitseva V.V. Yavleniya perekhodnosti v grammatike russkogo yazika [Transitivity in Russian grammar] / V.V. Babaitseva. — Moscow : Drofa, 2000. — 640 p. [in Russian]
2. Balli Sh. bshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka [General linguistics and issues of the French language] / Sh. Balli. — Moscow : Izdatel'stvo inostrannoj literatury, 1955. — 416 p. [in Russian]
3. Bauder A.Ya. Chasti rechi — strukturno-semanticheskie klassi slov v sovremennom russkom yazike [Parts of speech — structural and semantic classes of words in modern Russian] / A.Ya. Bauder. — Tallin : Valgus, 1982. — 184 p. [in Russian]
4. Vinogradov V.V. Russkii yazik: Grammaticheskoe uchenie o slove [Russian language: Grammatical teaching about the word] / V.V. Vinogradov. — Moscow : Visshaya shkola, 1986. — 640 p. [in Russian]
5. Golev N.D. Chasti rechi i funkctivi v morfologicheskoi sisteme russkogo yazika (na materiale perekhodnikov yavlenii i ikh lingvisticheskikh interpretatsii [Parts of speech and functionals in the morphological system of the Russian language (based on transitional phenomena and their linguistic interpretations)] / N.D. Golev // Filologicheskie nauki. Voprosi teorii i praktiki [Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues]. — 2025. — Vol. 18. — Issue 9. — P. 4119–4130. [in Russian]
6. Grebeneva Yu.N. Morfemnyi slovar narechii russkogo yazika [Morphemic dictionary of Russian adverbs] / Yu.N. Grebeneva. — Moscow : Mir i obrazovanie, 2022. — 752 p. [in Russian]
7. Zaliznyak Anna A. Russkoe "pazve": ot predloga k voprositelnoi chastitse [Russian "pazve": from preposition to interrogative particle] / Anna A. Zaliznyak // Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i yazyka [Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Literature and Language Series]. — 2020. — T. 79. — № 4. — P. 5–11. [in Russian]
8. Kim O.M. Transpozitsiya na urovne chastei rechi i yavlenie omonimii v sovremennom russkom yazike [Transposition at the level of parts of speech and the phenomenon of homonymy in modern Russian] / O.M. Kim. — Tashkent: Fan, 1978. — 227 p. [in Russian]
9. Kravtsov S.M. Konversiya v slovoobrazovanii: uzus i okkazionalnost [Conversion in word formation: usage and occasionality] / S.M. Kravtsov, A.Yu. Golubeva. — Rostov-Na-Donu: Izd-vo YuFU, 2016. — 170 p. [in Russian]
10. Melchuk I. Russkij yazik v modeli "Smysl – Tekst" [The Russian language in the Meaning–Text model] / I. Melchuk. — Moscow; Vienna : Shkola "Yazyki russkoj kul'tury"; Vienna Slavic Almanac, 1995. — 682 p. [in Russian]
11. Migirin V.N. Ocherki po teorii protsessov perekhodnosti v russkom yazike [Essays on the Theory of Transitivity Processes in the Russian Language] / V.N. Migirin. — Beltsi, 1971. — 199 p. [in Russian]
12. Novospasskaya N.V. Odnopravlennost grammatikalizatsii v sovremennoi lingvistike [Unidirectionality of grammaticalization in modern linguistics] / N.V. Novospasskaya, A.A. Avagyan // Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazyka, semiotika, semantika [Bulletin of PFUR University. Series: Theory of language, semiotics, semantics]. — 2012. — Vol. 12. — № 1. — P. 89–104. [in Russian]
13. Pankov F.I. Polifunktsional'nost' leksicheskikh edinic v ustnoj rechi (na materiale slova «eshche») [Polyfunctionality of lexical units in oral speech (based on the word "more")] / F.I. Pankov // Dinamika yazykovykh i kul'turnykh processov v sovremennoj Rossii [Dynamics of linguistic and cultural processes in modern Russia]. 2016. — № 5. — P. 434–439. [in Russian]
14. Peshkovskii A.M. Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii [Russian syntax in scientific interpretation] / A.M. Peshkovskii. — Moskva; Leningrad : Gosizdat, 1928. — 579 p. [in Russian]
15. Tener L. Osnovi strukturnogo sintaksisa [Basics of Structural Syntax] / L. Tener. — Moscow : Progress, 1988. — 656 p. [in Russian]
16. Tikhomirova T.S. Process adverbializatsii tvoritel'nogo padezha (na materiale pol'skogo yazyka) [The process of adverbialization of the instrumental case (based on the Polish language)] / T.S. Tikhomirova // Tvoritel'nyj padezh v slavyanskikh yazykakh [Instrumental case in Slavic languages]. — Moscow: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1958. — P. 313–350. [in Russian]
17. Urison Ye.V. Sintaksicheskaya derivatsiya i «naivnaya» kartina mira [Syntactic derivation and the "naive" picture of the world] / Ye.V. Urison // Voprosi yazykoznaniiya [Questions of linguistics]. — 1996. — № 4. — P. 25–38. [in Russian]
18. Natsional'nyj korpus russkogo yazyka [The Russian National Corpus]. — URL: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed: 10.01.2026). [in Russian]
19. Shakhmatov A.A. Sintaksis russkogo yazika. 2-e izd. [Syntax of the Russian language. 2nd ed.] / A.A. Shakhmatov. — Leningrad: Uchpedgiz, 1941. — 620 p. [in Russian]
20. Shigurov V.V. "Cudya po" v kontekste modalizatsii i prepozitsionalizatsii: k ischisleniyu indeksov transpozitsii ["Judging by" in the context of modalization and prepositionalization: towards the calculation of transposition indices] / V.V.



Shigurov // Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literaturi i yazika [Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Literature and Language Series]. — 2020. — T. 79. — № 6. — P. 42–55. [in Russian]

21. Shigurov V.V. Ctepeni i predel adverbialnoi transpozitsii sushchestvitelnykh v russkom yazike (na materiale obrazovaniy s semantikoi vremeni goda i sutok) [Degrees and limits of adverbial transposition of nouns in Russian (based on formations with the semantics of time of year and day)] / V.V. Shigurov // Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literaturi i yazika [Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Literature and Language Series]. — 2024. — T. 83. — № 3. — P. 19–32. [in Russian]

22. Shigurov V.V. Teoriya transpozitsionnoi grammatiki russkogo yazika: modalyatsiya kak tip stupenchatoi transpozitsii yazikovikh yedinit v sisteme chastei rechi [Theory of transpositional grammar of the Russian language: modulation as a type of stepwise transposition of linguistic units in the system of parts of speech] / V.V. Shigurov. — Moscow : INFRA-M, 2025. — 1063 p. [in Russian]

23. Marchand H. Expansion, transposition and derivation / H. Marchand // La Linguistique. — 1967. — Vol. 3. — № 1. — P. 13–26.

24. Eihinger L.M. Syntaktische Transposition und semantische Derivation : die Adjektive auf -isch im heutigen Deutsch [Syntactic transposition and semantic derivation: the adjectives ending in -isch in contemporary German] / L. M. Eihinger. — Tübingen : Niemeyer, 1982. — 241 p. [in German]

25. Stekauer P. A theory of conversion in English / P. Stekauer. — Frankfurt am Main : Peter Lang, 1996. — 155 p.

26. Shigurov V.V. Functional Modulates Derived From Short Adjectives and Predicates in the Russian Language / V.V. Shigurov, T.A. Shigurova // Opción. — 2019. — Vol. 35. — № 20. — P. 1108–1123.